

"Пятницы Полонского" и "Пятницы Случевского"

Из серии воспоминаний "Догоревшие огни"

Воспоминания о серебряном веке.

Сост., авт. предисл. и коммент. Вадим Крейд.

М.: Республика, 1993.

OCR Ловецкая Т. Ю.

В доме Я. П. Полонского на Знаменской улице по пятницам бывали очень симпатичные вечеринки. Собиралось довольно много гостей вокруг большого чайного стола, и беседы велись на всевозможные темы. Престарелый поэт принимал живейшее участие в этих беседах. Говорил он слегка нараспев и в нос, что придавало его речи некоторую торжественность, усугублявшуюся его внешностью библейского патриарха. Его супруга, Жозефина Антоновна (она была его второй женой и значительно моложе его), мастерски справлялась с ролью хозяйки, бдительно следя за тем, чтобы никому не было скучно и чтоб все "угощались". Впрочем, никому никогда и не бывало скучно, потому что в доме Полонских всегда царил самое радушное настроение.

Вечеринки эти -- или приемы -- не носили характера "литературного". Собирались просто знакомые поэта и его семьи; иногда, впрочем, читали стихи.

После смерти Якова Петровича¹ его вдова и сын, при участии нескольких приятелей -- в числе которых и я имел честь находиться,-- основали, в память поэта, кружок под названием "Пятницы Полонского". Собрания происходили, конечно, по пятницам, в помещении, теперь не помню, какому-то предприятию принадлежавшем (кажется, одной из крупных фортепианных фирм), в большом доме на углу Невского проспекта и Морской улицы.

Число членов кружка быстро разрослось. Собирались, выпить чая, слегка закусить и прослушать всегда интересную музыкально-вокальную и литературную программу, над составлением которой усердно работал сын покойного поэта, милейший Борис Яковлевич Полонский. Артисты и чтецы всегда охотно отзывались на приглашение принять участие в программе, и успех "Пятниц Полонского" все возрастал. Но опять-таки собрания эти не носили характера профессионально-литературного, а являлись лишь воспроизведением -- в более широком масштабе -- вечеринок, устраивавшихся при жизни поэта в его доме.

Но параллельно с этим кружком возник вскоре еще другой, преследовавший иные задания и связанный с памятью Полонского лишь тем обстоятельством, что собрания его происходили тоже по пятницам.

После смерти Полонского старейшим русским поэтом явился К. К. Случевский², который и возымел мысль, в память своего покойного собрата, устраивать -- так сказать, в порядке преемственности -- у себя на дому собрания по пятницам.

Собрания эти скоро стали известны в литературном мире под наименованием "Пятниц Случевского".

Попасть в члены этого кружка можно было только после строгой баллотировки, и к тому же непременным условием вменялась принадлежность, или хотя бы причастность, к поэтической или стихотворной области литературы, если можно так выразиться.

Я никогда не был поэтом, ни даже простым "рифмоплетом", но более или менее владел стихом, перевел две или три пьесы в стихах с французского языка на русский, а целый ряд русских стихотворений на французский (некоторые из этих переводов были напечатаны в свое время в "Nouvelle Revue", журнале, издававшемся известной Madame Adam, поныне еще здравствующей и доживающей десятый десяток лет со дня своего рождения).

При добром отношении ко мне со стороны как самого Случевского, так и некоторых членов его кружка я был принят в кружок, несмотря на мои определенно ничтожные заслуги перед русской поэзией. На таких же, хотя и гораздо менее шатких, основаниях был избран и Ф. Ф. Фидлер³, друг всех русских писателей, от самых маститых до самых заурядных журналистов. Преподаватель немецкого языка в нескольких учебных заведениях, между прочим, в Екатерининском институте, он с редким талантом переводил на немецкий язык произведения чуть ли не всех русских поэтов -- до Кольцова и Никитина включительно, и переводы его охотно издавала известная германская фирма "Universal Reclams